

В настоящее время многих волнует вопрос о канонизации Царской семьи. Предлагаемый вниманию читателей материал представляет собой размышления преподавателей Московских Духовных школ по этому вопросу.

Канонизация Царской Семьи:

pro et contra

протоиерей Валентин Асмус, доцент

“Истинное отречение совершил не Государь, а Россия...”

Канонизация — не юридический акт, переводящий из разряда “приснопамятных” в разряд святых. Точнее, такой канонический акт только завершает процесс (не в юридическом смысле) узнавания Церковью Своих святых, которые уже прославлены Богом в Церкви Торжествующей. Это узнавание, это прозревание совершается очами веры и любви. Истинная любовь не ослепляет, а дает видеть недоступное очам равнодушно-пустым. То, что открывается любящему, имеет для него достоверность очевидности, но очень трудно бывает доказывать эту реальность невидящим, незревшим. Очень часто вполне благонамеренные люди становились противниками святых. Самому Государю Николаю II пришлось это неоднократно видеть, когда он настаивал на прославлении святых (Серафима Саровского, Иоасафа Белгородского, Иоанна Тобольского), а архиереи — члены Святейшего Синода, противились этому.

Но чтобы любить — надо знать. А что мы знаем о Царской Семье? На каком уровне исторического сознания мы находимся? У нас даже до сей поры не угасла примитивная вера в правду всякого печатного слова, даже романы Пикюля и тому подобная беллетристика воспринимаются некоторыми как “исторический источник”. При жизни Царскую Семью окутывали тучи клеветы, которые потом стали оседать толстым слоем в различных мемуарах, так что к источникам такого рода также надо

относиться с большой осторожностью. И, наконец, “историки” вроде бешено-оголтелого Д. Пospelовского (в прошлом сотрудника содержимого на средства ЦРУ радио “Свобода”) — люди заведомо ангажированные, партийно-пространственные. Но — удивительным образом, все, кто хотел узнать Царскую Семью по-настоящему, не довольствуясь мифологизированным образом, над которым дружно трудились революционеры и либералы, неизбежно были покорены высокими душами Николая Александровича и вполне соответствующих ему жены и детей. Это происходило даже с заклятыми их врагами. А. Ф. Керенский, к примеру, вспоминал о своих встречах с Царской семьей в 1917 году, которые совершенно перевернули его представления о тех, кого он люто ненавидел до “февральской революции”.

Канонизация не означает, что Церковь предлагает как образец для подражания каждый день жизни канонизируемых. Вспомним гонителей, которые, уверовав, тут же становились святыми мучениками, вспомним того, кому было сказано “днесь со мною будешь в Раи”. От людей, живущих в центре мирской жизни, трудно требовать подвигов, свойственных преподобным отцам. Но Церковь собирается их прославить в другом лике — страстотерпцев. И вопрос здесь стоит о том, как они встретили мученический венец, и еще о том, насколько они были приготовлены к непостыдной и праведной мучени-

ческой кончине всей своей предшествующей жизнью. И изучение подлинных источников показывает, что вся их жизнь была подготовкой к этому венцу, который они прияли в самом христианском расположении духа. В тягостные месяцы заточения, когда грязные революционные негодяи подвергали их всяческим лишениям, оскорблениям и издевательствам, они проявили чудеса терпения, кротости, смирения и незлобия, “молясь кротко за врагов” и сохраняя при этом удивительную царственную величественность, не малейше не малодушествуя перед врагами Бога и России. Для скольких миллионов русских людей, пошедших вслед за ними на плаху, они могли быть и были утешающим и вдохновляющим примером! Именно это сияние личности Царя и его Семьи и должно определять отношение к их канонизации. Земные успехи этой Семьи — дело в данном случае второстепенное.

Святые Борис и Глеб отказались от земного царства сразу, не вступая в борьбу (хотя они были бы лучшими государями, нежели их окаянный убийца), и именно в них народ безошибочно узрел сияние святости. Святитель Тихон, Патриарх Всероссийский, в пророческой проповеди, произнесенной под впечатлением только что полученного сообщения о расстреле Государя, сказал: “Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего Государя: беспристрастный суд над ним принадлежит истории”. Этими словами Святитель отказывает своим современникам в их притязаниях на правый суд над Го-

сударем. Но, похоже, время беспристрастного суда все еще не пришло. Правда, и то хорошо, что для многих диаметрально изменились ориентиры. Если в те годы Государя порицали за приверженность принципам самодержавия, за сопротивление не только революции, но и либерально-демократическому развитию, то теперь его поносят за обратное: за измену самодержавию и уступки демократии. Действительно, реформы 1905 года многое изменили в русской жизни. Но эти реформы были вынужден-

ными. Перед лицом революции было только два варианта: уступка или жестокая диктатура, но фактически оставался только один, потому что ближайшие царские помощники отказались проводить диктатуру. И можем ли мы по-христиански упрекнуть Царя, который и сам не хотел настаивать на диктатуре, означавшей, среди прочего, смертные казни в большом числе. Общество уже давно было больным, и именно этим объясняются успехи революции. В 1905 году на поверхность вышло то, что давно уже изнутри разлагало Россию. Царь в этом не-

повинен хотя бы потому, что он был чист от многих этих болезней. Многие в наше время упрекают Царя и за отречение. Подобные факты имели место и в прежние века; при этом отречшиеся не лишались царской чести и оставляли за собой право возвращения на престол (если отречшийся не делал отречения необратимым, например, принятием монашества). Отречение аналогично уходу архиерея на покой.

Государь не встретил Февраль безоружным. Он сразу же потребовал усмирения беспорядков, затем послал на их подавление одного из самых близких ему генералов и, наконец, отправился сам в Петроград, чтобы собственными распоряжениями бороться с революцией. И здесь совершился страшный акт предательства: все командующие фронтами, кроме адмирала Колчака, и, в первую очередь, великий князь Николай Николаевич, требовали и просили отречения. Нельзя сказать, чтобы Государь был до конца убежден этими просьбами правых (!) членов Государственной Думы, но воевать не только против взбунтовавшейся черни и солдатни, но и против самых видных представителей общества у него не было сил. Но для него отречение не было уходом от ответственности за Россию; это было самоотвержением человека, который не хотел встать на пути своего народа к победе в Великой Войне, потому что его дружно уверяли, что он — препятствие для успешного ведения войны. Поверим святителю Тихону: «Он, отрекаясь от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе». Отрекаясь в пользу брата, Михаила Александровича, Государь сделал все, чтобы облегчить задачу своим преемникам, в частности, назначив Главнокомандующим вместо себя Николая Николаевича, только что сыгравшего такую большую роль в деле отречения. Чем все это кончится, в этот момент не знал никто, даже сам Ленин. Но истинное отречение совершил не Государь, а Россия, которая отреклась и отвернулась от него. Будучи кристалльно честным и чистым лично, Государь был таким и в своих государственных решениях, как бы мы их ни оценивали. Можно смело утверждать, что он — один из последних в истории христианских политиков.

Много поношений приходилось и приходится терпеть Царской Семье за ее дружбу с Григорием Распутиным. Начало этой дружбы объясняется просто: этот человек мог своей молитвой (именно молитвой, а не «гипнозом» или «экстрасенсорикой»)

исцелять смертельно больного Наследника. И кто упрекнет любящих родителей за особые чувства к этому человеку? К тому же очень многое из того, что говорилось о Распутине, оказалось клеветой, имевшей одну цель — опорочить Царскую Семью и вместе с ней самодержавие. Как верно сказал лейб-медик Боткин, впоследствии разделивший с Царской семьей мученический венец: «Распутин был нужен, и если бы его не было, то даже из меня могли бы сделать Распутина». В наше время Олег Платонов в своих исследованиях доказывает даже, что Распутин — святой старец. Не вдаваясь в этот спорный вопрос, скажем только, что речь у нас идет не о канонизации Григория Ефимовича, а о канонизации Царской семьи. Ошибаться в людях могли и великие святые. Вспомните хотя бы Святителя Григория Богослова, который пригнул на своей груди и даже удостоил хиротонии Максима Киника, тут же попытавшегося похитить у него архиерейский престол. Протоиерей Сергей Булгаков, имевший преувеличенно плохое мнение о Распутине, так оценивал эту историю: «Про себя я Государя за Распутина готов был еще больше любить... Царь взыскал пророка...и его ли вина, если вместо пророка он встретил хлыста (таковым он не был! — В.А.). В этом трагическая вина слабости Церкви, интеллигенции, чиновничества, всей России. Но что этот Царь в наши сухие и маловерные дни возвышался до этой мечты... это величественно, это знаменательно и пророчественно. Если Распутин грех, то — всей русской Церкви (именно духовные лица привели его ко Двору — В.А.) и всей России, но зато и самая мысль о святом старце, водителе монарха, могла родиться только в России, в сердце царевом».

Давно уже мы слышим песню, что политическое убийство никак не может дать мученического венца. Но правда, скорее, в обратном. Сам Спаситель был казнен по обвинению политического характера. Все мученики первых веков пострадали за «политическую нелояльность». А те же святые Борис и Глеб? Для нас важно, в первую очередь, как встретили смерть сами страстотерпцы, о чем я уже сказал. Но для нас немаловажно и отношение к ним их палачей. Никакой политической опасности для большевиков Царская семья не представляла: ни

один из вождей белого движения до самого конца Гражданской войны не выдвинул монархических лозунгов. Зато имеется интереснейшее свидетельство Троцкого о том, как Ленин, отвечая на его вопрос, что делать с Романовыми, сказал: "Расстреляем всю Великую ектенью". Этим Ленин (или сам Троцкий, что для нас все равно), повторяя фразу Нечаева, дал понять, что для большевиков Царская семья — символ Православной России, и ее казнь должна была возглавить многочисленные казни "преосвященных епископов, честного пресвитерства, еже во Христе диаконства, всего причта и людей".

Часто осуждают церковную политику Государя. Чтобы ее правильно оценить, нужно взглянуть на нее в целом, не выхватывая из общего ряда какие-то отдельные моменты. Николай II явил собой завершение и вершину "славянофильской" эволюции, характеризующей Государей XIX века. Он был убежденнейшим почитателем допетровской России и иногда резким критиком Петра и его преемников. Он радел о возвращении в церковную жизнь многого, утраченного в ней в ходе европеизации: иконописи и церковной архитектуры древнерусского стиля, даже знаменного пения. Количество церквей в его царствование увеличилось более, чем на 10 тысяч. Сам Государь охотно жертвовал на храмоздательство свои личные средства.. (Для сравнения: при Александре II немало приходов было закрыто с приписыванием храмов закрываемых приходов к оставшимся приходам). Общеизвестен факт активного участия Государя в деле канонизации святых, которых в его царствование было прославлено восемь, в то время как при Александре II — только один, а при Александре III — ни одного. Государь не был принципиальным сторонником Синодальной Системы (каким был, например, святитель Филарет Московский). Есть сведения даже о том, что Государь предлагал свою кандидатуру на патриаршество, желая повторить симфонию Михаила Феодоровича и Филарета Никитича Романовых. При Государе состоялось Предсоборное присутствие, которое подготовило почву для Собора 1917 — 1918 гг. Что же касается решения Государя отложить созыв Собора, оно было вызвано тревогой за исход Собора ввиду смутного состояния умов. Насколько эта

тревога была оправданной, показал Собор 1917 года, который поначалу был окрашен если не в красные, то в густо-розовые тона, и только большевистский переворот привел многих к отрезвлению.

Я совершенно не согласен с теми, кто считает, что канонизация Царственных мучеников будет "канонизацией" самой монархической формы правления. Для меня это два совершенно разных вопроса. Но монархия и не нуждается ни в какой "канонизации". Достаточно посмотреть древние иконы Вселенских Соборов, где во главе Собора всегда изображается Император, чтобы почувствовать, насколько высоко было царское место в Церкви — не только в ее фактической жизни, но и в ее сознании, и вряд ли к этому что-то прибавит прославление Государя, который, отрекшись от престола, невольно положил конец всему Константиновскому периоду истории. Этот конец настал не потому, что Николай II не соответствовал "константиновскому" идеалу монарха (он-то как раз ему отвечал), а потому, что ему не соответствовало и ему не хотело соответствовать общество и большая часть народа. Уже давно мудрый человек сказал, что народ имеет такое правительство, какое заслуживает. Можно сказать, что носители власти — духовная проекция, духовное отражение состояния народа. И дело не в том, что к власти рвались темные силы (уже раньше бывали и Отрепьевы, и Разины, и Мазепы, и Пугачевы, и "декабристы"...), а в том, что в роковом 1917 году народ удивительно легко им поддался. Царь ушел, потому что не мог и не хотел воевать со своим народом, оставаясь любящим отцом, хотя большинство детей изменило отцу и ушло на "страну далеке"...

Бояться каких-то политических осложнений в связи с канонизацией Царской семьи, во-первых, недостойно, а во-вторых, неразумно. Святые не разделяют, а соединяют, и Царственные мученики на небесах так же молят Господа о всех сынах России, как они с надеждой на вразумление и покаяние народа молились еще здесь на земле. Они будут, верю и надеюсь, молиться за нас, даже если мы не прославим их, но мы сами потерпим от этого ущерб. Узнавая своих святых, Россия узнает свою собственную душу.